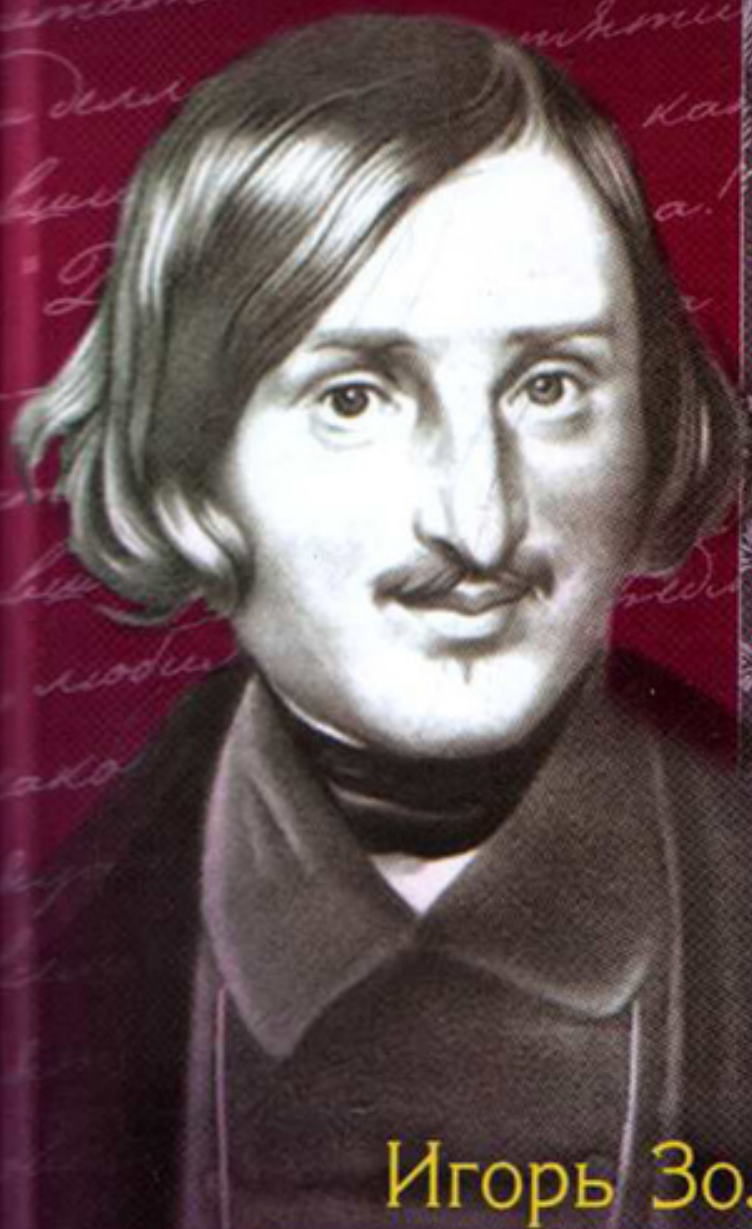

Литература
с
географией

Игорь Золотусский

Гоголь в Диканьке

Литература с географией

Игорь Золотусский
Гоголь в Диканьке

«Алисторус»

2007

УДК 82-94
ББК 83.3

Золотусский И. П.

Гоголь в Диканьке / И. П. Золотусский — «Алисторус»,
2007 — (Литература с географией)

Знаменитый исследователь жизни и творчества Н. В. Гоголя Игорь Золотусский приглашает в увлекательное путешествие по местам великого писателя. Это Васильевка, Диканька, Сорочинцы на его родной Украине, Петербург, Рим, Москва... По своей натуре Гоголь был путником, любил дорогу, в частых поездках чувствуя себя как дома. В дороге происходит действие и многих его произведений, начиная с «Сорочинской ярмарки» и заканчивая «Мертвыми душами». «Ну, любезные», – с этими словами на последних страницах поэмы садится в свою коляску Чичиков, покидая губернский город NN. Отправимся в путь и мы – на автобусе, машине, поезде. Книга предназначена для старших школьников, преподавателей литературы и всех, кому нравятся путешествия и великая русская литература.

УДК 82-94
ББК 83.3

© Золотусский И. П., 2007
© Алисторус, 2007

Содержание

От автора	6
Глава I	7
1	7
2	11
3	13
Глава II	14
1	14
2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Игорь Золотусский

Гоголь в Диканьке

*Вон небо клубится передо мною; звездочка сверкает вдали; лес
несется с темными деревьями и месяцем; сизый туман стелется под
ногами; струна звенит в тумане; с одной стороны море, с другой Италия;
вон и русские избы виднеются. Дом ли то мой синее вдали? Мать ли моя
сидит перед окном?*

Гоголь

© Золотусский И. П., 2007

© ООО «Алгоритм-Книга», 2007

От автора

Гоголь часто называл себя путником, странником и считал своим домом дорогу. Он действительно много путешествовал, но все-таки есть несколько мест на земле, которые были для него не только временным отдыхом в пути. Гоголя нельзя представить без Васильевки, без Диканьки, Сорочинца, без Петербурга, где он стал писателем, Рима, Москвы. В Сорочинцах он родился, в Москве умер и похоронен. В Риме Гоголь прожил с перерывами десять лет, там писались «Мертвые души».

Гоголь как-то сказал, что ландшафт, который видит ребенок, едва научившийся различать предметы, влияет на его взгляд на мир. Это правда. Мир Гоголя – это не только внутренний мир, но и мир вокруг него, живые черты тех мест, которые помнят его.

Глава I Сорочинцы

1

В один из жарких дней августа тысяча восемьсот... не будем уточнять, какого именно года, на мосту через реку Псел появился воз, груженный пенькою и полотном, на верху которого сидели две женщины – одна уже немолодая, с неприятным и «диким» лицом, другая – совсем еще молоденькая, «с круглым личиком, с черными бровями, ровными дугами поднявшимися над светлыми карими глазами, с беспечно улыбающимися розовыми губками». Воз направился на ярмарку и здесь, на мосту, за которым начинались окраины местечка Сорочинцы, славившегося на Миргородщине своими ярмарками, и повстречали его веселые парубки.

Красавице они улыбнулись, над ее соседкою посмеялись, за что выслушали немало брани, впрочем, никак не нарушившей ленивую тишину августовского полдня, неторопливого хода тянущих воз волов и невозмутимости хозяина обоза – козака Черевика, который привык и к крикам жены, и к восхищению, которое вызывала у молодых козаков красота его дочери.

По этому мосту въехала когда-то в Сорочинцы и облепленная весенней грязью карета с Марией Ивановной Гоголь. Существует предание, что Гоголь родился в дороге, что разлившаяся река снесла мосты и не дала обозу из Васильевки вовремя поспеть в Сорочинцы.

Но родиной Гоголя все равно считаются Сорочинцы. Даже если права легенда, то ехала-то Мария Ивановна сюда, здесь ждал ее доктор Трохимовский, к которому она направлялась и который сказал свои знаменитые слова о новорожденном: «Славный будет сын». Он, конечно, имел в виду его жизнь и здоровье, но получилось, что слова те обрели иной смысл, и сын Марии Ивановны и Василия Афанасьевича стал славным сыном России.

Может быть, недаром действие самой беспечной повести Гоголя «Сорочинская ярмарка» происходит на его родине. Может быть, поэтому так молодецки весела она, так полна жизнью, красками, звуками, изобилием света и цвета Украины. Из нее бьет юношеская свежесть Гоголя.

Домик М. Трохимовского, где (согласно другой – и давно принятой за единственную – версии) родился Гоголь, стоит неподалеку от упомянутого моста через Псел, вернее, стоял, потому что сейчас на том месте другое здание, а обиталище доктора сгорело во время Великой Отечественной войны, подожженное фашистами.

Место это Трохимовский выбрал не случайно – он лечил водою Псела, целебными травами, настоящими на этой воде. И в нынешних Сорочинцах так лечат и детей, и взрослых. Детей, например, кладут в корытце с теплой псельской водой, заматывают их в полотенца, пропитанные травяным настоем, – и отступают болезни, дети растут крепкими, здоровыми.

Гоголь, в течение своей жизни много болевший, не раз пользовался травами и когда наезжал в Васильевку, и когда жил в Петербурге (туда присылала ему травы мать), и в далеком Риме, куда он тоже прихватывал с собой целебные настойки и мешочки с сушеной травой. Пользоваться ими его научила еще бабушка Татьяна Семеновна – большая искусница по этой части, ее знание перешло потом к сестре Гоголя, Ольге Васильевне Гоголь-Головне, дом которой в Васильевке стал приютом для сотен страждущих. Гоголь, кстати, очень хотел, чтоб после его смерти в Васильевке было устроено нечто вроде бесплатной больницы, где лечили бы всякого, кто обратится за помощью.

Мария Ивановна Гоголь ехала к Трохимовскому, чтобы спасти дитя, – ведь двое ее предыдущих детей родились мертвыми. Мальчик выжил, трех недель от роду он был отправлен вместе с матерью в Васильевку.

Гоголь не выбирал места своего рождения, но оно во всех отношениях оказалось историческим. Там, где стоял дом Трохимовского, были некогда конюшни гетмана левобережной Украины Даниила Апостола. Апостол одно время имел квартиру в Сорочинцах. От квартиры гетмана вел потайной подземный ход в церковь, высящуюся неподалеку на берегу Псела, – церковь Спасо-Преображения, где крестили Гоголя. Церковь эту построил Даниил Апостол, построил как память о себе и собственную усыпальницу – под тяжкими плитами каменного пола покоятся его останки.

Храбрый то был полковник и горячий. Служил верою и правдою царю Петру, потом чуть не ушел с Мазепой, но вовремя одумался, пал Петру в ноги и попросил смерти или милости. Выпала милость. Полковник Апостол стал гетманом Апостолом.

Был он дальним предком знаменитых Муравьевых-Апостолов, ставших декабристами. Их имение, точнее, имение их отца Ивана Матвеевича Муравьева-Апостола находилось недалеко от Сорочинцев. Оно и посейчас цело, называется Хомутец, и стоит там посреди разросшегося запущенного парка дом Апостолов, а в углу парка, в конце аллеи, срослись стволами три дуба, посаженные стариком Муравьевым-Апостолом в честь сыновей – Матвея, Сергея и Ипполита, принимавших участие в событиях 14 декабря. Один брат – Ипполит – застрелился при неудаче восстания Черниговского полка, другой – Сергей – был казнен, третий сослан в каторгу. Отец сочинил о сыновьях элегию на греческом языке, которую читал своим друзьям, когда приходили они на то место, где росли три дуба.

Гоголь не бывал в Хомутце, но зато он бывал и жила в Кибинцах – имении Д. П. Трошинского под Миргородом, у которого часто гостили братья Муравьевы-Апостолы, как и их друг, подпоручик Полтавского пехотного полка М. Бестужев-Рюмин.

Многих знаменитых людей мог видеть Гоголь в детстве. Это и князь Н. Г. Репнин, мало-российский генерал-губернатор, родной брат декабриста С. Г. Волконского, и Василий Васильевич Капнист, владелец соседствующей с Сорочинцами Великой Обуховки, автор «Ябеды», и Гаврила Романович Державин, который в июле 1813 года посетил своего друга Капниста в Обуховке. По словам матери Гоголя, вся их семья находилась в то время в гостях у Капнистов. Проверить это трудно, но дух Державина (мало того, что поэты были друзья, они были еще женаты на родных сестрах) витал в Обуховке.

Капнист, по рассказу той же Марии Ивановны, первый поощрил поэтические занятия маленького Никоши. Не знаем, что именно было предложено ему прочесть из ранних стихов Гоголя, но старый поэт поступил с начинающим пиитом снисходительно: сказал, что из него будет толк. Но добавил при этом, что тому нужен хороший учитель.

Мать писателя Мария Ивановна Гоголь-Яновская

Земля, на которой явился свету Гоголь, имела славное прошлое. Тут казачьи полки рубились с поляками, на землю эту заглядывались и литовцы. И сейчас в лесах Миргородщины находят клады, отрывают старинные бочонки с золотом, находят богато украшенное оружие, подземные траншеи и «мины» – подземные ходы. Начало одного такого подземного хода автору этих строк показывали в Диканьке. Говорят, он вел до самой Полтавы.

В. В. Капниста Гоголь любил, с него брал пример, будучи юношей. По примеру Капниста Гоголь хотел сделаться «совестным судьей» (должность, в которой некоторое время пребывал и сам Капнист) и пойти по юридической части. Капнист всю жизнь служил отечеству. Служил, состоя в должности и находясь в отставке. Он был полтавским генеральным судьей, предводителем полтавского дворянства, основателем училища для бедных дворян в Полтаве,

ведал репертуаром императорских театров. У себя в Обуховке он был честным помещиком. Телесных наказаний не было в Обуховке, как не было их, кстати сказать, и в Васильевке. Если Капнист замечал самоуправство или несправедливость, он жестоко карал виновных, привлекал их к суду.

По многим запутанным делам, касающимся других лиц, он ездил в Петербург – «ужасный лабиринт», как он называл этот город.

Дочь В. В. Капниста, С. В. Скалон, оставила записки о своей жизни, где упоминаются ее встречи с Гоголем. Одна из них относится к 1828 году, когда Никоша Гоголь уезжал со своим другом Данилевским в Петербург. Прощаясь с автором записок, он говорил: «Прощайте, или вы обо мне ничего не услышите, или услышите нечто весьма хорошее». Я тогда подивилась самонадеянности сына Марии Ивановны, пишет Скалон, потому что мы в нем ничего замечательного не видели. Прошло много лет. В 1851 году Гоголь в последний раз посетил Полтаву. И Софья Васильевна напомнила ему тот давний разговор. Он улыбнулся, и на глазах его показались слезы.

Между прочим, в архиве Капнистов сохранились письма Михаила Трохимовского В. В. Капнисту, в которых тот дает поэту врачебные советы.

2

В 1929 году в домике Трохимовского открыли музей. Он был беден, но в нем показывали некоторые вещи Гоголя – его портфель, сюртук. Они перешли сюда от бывших владельцев Васильевки. После войны на этом месте зияло пепелище. Вся Полтавщина тогда напоминала селение, по которому прошелся большой пожар. Война и Васильевку опустошила. Немцы вырубили сад и парк. Уходя, поджигали хаты, а колодцы заливали бензином. Если б не поспевшие на бахчах арбузы, жители села умерли бы от жажды.

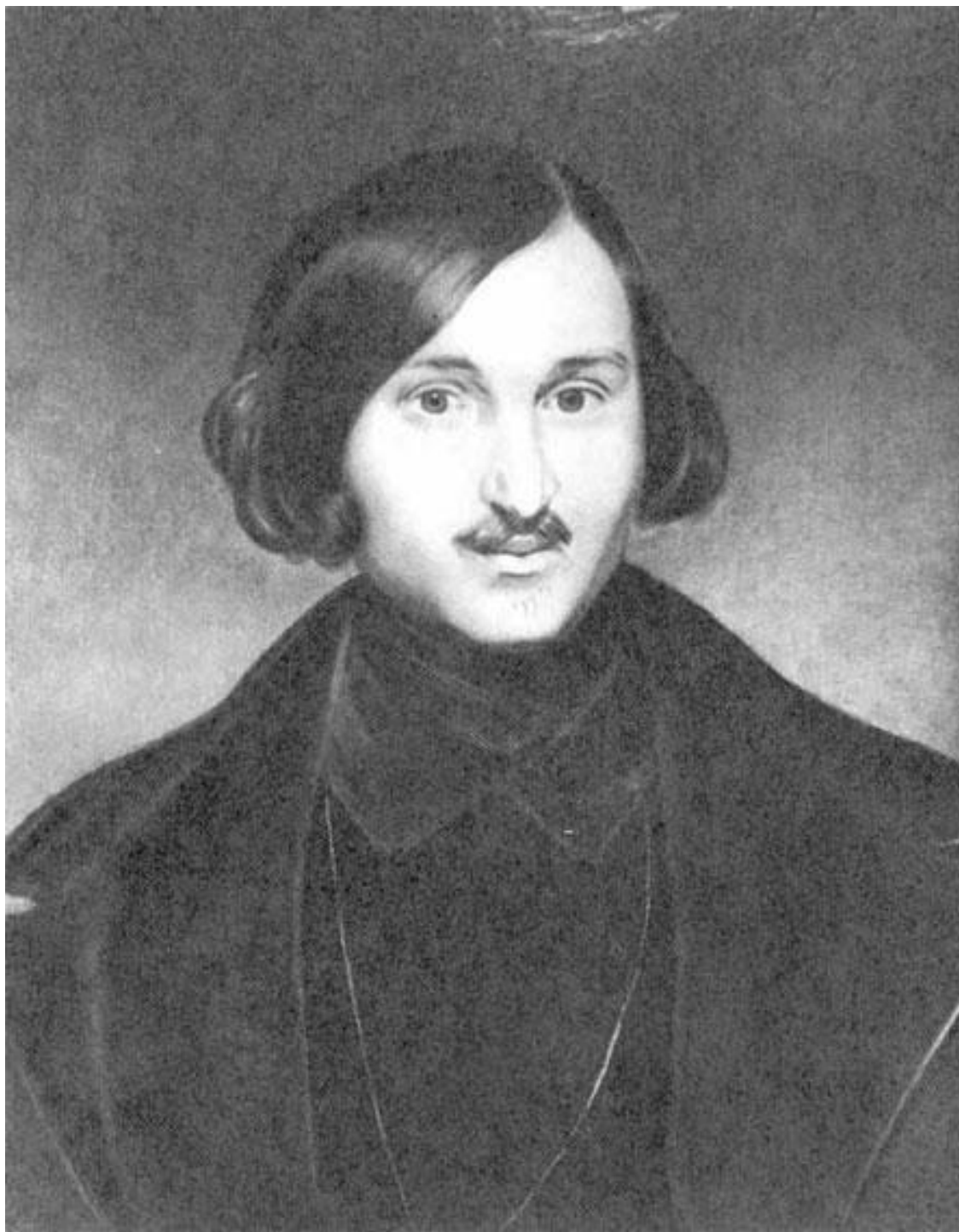
Об этом мне рассказывал отпускник-майор, с которым мы вместе ехали из Васильевки в Полтаву. У майора был удивительно острый, по-гоголевски птичий и длинный нос.

Дом в Сорочинцах не восстановили, на его месте построили новый. Кирпичный, низенький, он побелен так же чисто, как белят на Украине старые хатки. В затененных зеленую сада окнах видны просветы неба, прохлада даже в самые жаркие дни царит в бережно убранных, до блеска отмытых комнатах. Перед входом стоит бюст Гоголя. Гоголь иронически улыбается.

В Сорочинцах нашлись люди, которые по собственному почину стали собирать библиотеку музея. Один из них – Г. С. Брайко – ездил в Москву и Ленинград, скупал бесценные издания Гоголя у букинистов. Иные из букинистов не верили, что в Сорочинцах можно сохранить редкие книги, приезжали сюда сами, смотрели, удостоверяться, что «старый» Гоголь обрел надежный приют. Деньги на книги собирали у любителей литературы. Сейчас в музее редчайшее собрание сочинений Гоголя, вышедших при его жизни.

Есть тут и вещи Гоголя – жилет, цилиндр, портфель, чемодан. Есть сделанные его рукой рисунки, отрывок из письма лицейскому товарищу. И копия портрета работы Ф. Моллера, очень похожая на подлинник. Портрет этот Гоголь подарил матери, и однажды – уже после смерти сына – Мария Ивановна приняла портрет за его живое лицо. Она была женщина «страшного воображения», как любил выражаться отец, Гоголя Василий Афанасьевич.

Спасо-Преображенская церковь в двух шагах от музея. Стоит она на обрывистом берегу Псела. Берег не так высок, но с него открывается вид на окрестности, на раскинувшиеся над Пселом луга. Церковь выстроена в стиле украинского барокко. Золоченые кресты, зеленые купола оттеняют яркую белизну стен, украшенных национальной лепкой. Кажется, каменный рушник опоясывает ее карниз и надвратные изгибы стен.

Николай Васильевич Гоголь. Портрет работы Ф. Моллера. Рим. 1841 г.

Когда смотришь на эту гоголевскую реликвию со стороны заречья или с моста, по которому подъезжала к Сорочинцам красавица Параска, героиня «Сорочинской ярмарки», то церковь кажется величественной, огромной. Тень ее при заходе солнца падает через весь Псел. Сорочинцы тонут в садах, крыши хат (а теперь уже каменных домов) как будто утоплены в зелени деревьев. Изобильна полтавская земля, все родит, всем кормит – всякого «дрязгу», как говорил Гоголь о яблоках, грушах, вишнях, абрикосах, здесь много.

3

Гоголь любил дорогу, действие многих его сочинений происходит в дороге. С дороги, ведущей в Сорочинцы, открывается его первая повесть, дорогою заканчивается и последняя – последние главы «Мертвых душ», – это дорога Чичикова, дорога Хлобуева, дорога князя, едущего с отчетом государю в Петербург.

Гоголь всю жизнь ездил. Беспокойство гнало его по городам и весям, он нигде подолгу не заживался, не задерживался. И всюду он был гость, проезжий путник, а не постоянный житель. Недолго жил он в Петербурге, в Риме, все время выезжая из него, скитаясь по Европе, в Москве. И до последних дней своей жизни мечтал он куда-нибудь уехать – на острова Средиземного моря, на Камчатку («хоть фельдъегерем», – грустно иронизировал он), в Сибирь (чтоб собрать материалы для второго тома «Мертвых душ»), в волжские губернии, на Север, в Кострому, в Ярославль. И очень хотелось ему в Крым, к теплу, к которому он, южанин, так привык с детства и которое ему дарил Рим. «Весной, – пишет он сестре Ольге в декабре 1851 года, за два месяца до смерти, – если поможет Бог... надеюсь заглянуть к вам...»

Но не суждено ему было более посетить места своего рождения. Летом в Васильевку из Москвы прибыли сначала сундуки с книгами, вещи Гоголя, которые сопровождал мальчик Семен Григорьев (присутствовавший при сожжении второго тома поэмы и при кончине хозяина), затем и его бумаги. Их привез С. П. Шевырев. Он писал в своем дневнике: «Крестьяне Васильевки и козаки (вольные крестьяне), знавшие покойного, никак не думают, чтобы он умер, а говорят, что у него было много врагов и император Николай Павлович, чтоб скрыть его от врагов, услал в Европу западную отыскивать брата его Александра Павловича, также еще живого, но что он возвратится. Они гадали об нем – и выходило, что он жив».

Гадали по-всякому, в том числе и так: в чистую крынку с глянцевыми стенками сажали паука. Если паук за ночь выберется из крынки (или горшка), то тот, на кого гадают, жив. Если нет – умер. На Гоголя гадали – получилось, что жив.

В семье Гоголя верили в приметы и предсказания, Василий Афанасьевич незадолго до кончины своей слышал «голоса», предвещающие ему смерть. «Голоса» слышались в последние дни жизни и его сыну.

Отсюда, из Сорочинцев, начал он свой путь по жизни. Здесь – в окружении детей помещиков, поручиков, крестьян, козаков – был записан в метрическую книгу Спасо-Преображенской церкви и получил духовное напутствие. В книге этой рядом с отметкой о рождении и крещении Гоголя помянуты некие Иван Зеленый, Матвей Могильный, Василий Пищилька (один – мещанин, другой – козак, третий – «порутчик»). У всех записано: «Местечка Сорочинцев... родился и... крещен». Про Гоголя сказано: «У помещика Василия Яновского родился сын Николай и крещен...» Не сказано весьма важного: «Местечка Сорочинцев». Только про одного Гоголя и не сказано. Может, он и вправду родился в дороге?

В «Сорочинской ярмарке» Гоголь воздаст должное своей родине. Родина есть родина – она и праздник души, и грусть, и все, что описано Гоголем в первых строках этой повести: «Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии!..»

Глава II Васильевка

1

16 мая 1848 года Гоголь писал в письме к А. С. Данилевскому: «Ты спрашиваешь меня о впечатлениях, какие произвел во мне вид давно покинутых мест. Было несколько грустно, вот и все. Подъехал я вечером. Деревья – одни разрослись и стали рошей, другие вырубались. Я отправился того же вечера один степовой дорогой, позади церкви, ведущей в Яворивщину, по которой любил ходить некогда, и почувствовал *сильно* (выделено Гоголем. – И. З.), что тебя нет со мной. Вероятно, того же вечера я был в Тóлстом, но Тóлстое пусто, и мне стало еще грустнее... Чувство непонятной грусти бывает к нам ближе, чем что-либо другое. Василия Ивановича я, однако же, видел и у него плотного ремонтера¹ средних лет, Николая Васильевича, которого прежде видел делающим микроскопические дрожечки вместе с братьями».

Письмо это сразу отбрасывает несколько ответов и в сочинения, и в жизнь Гоголя. Вспомним для начала такой эпизод из «Ревизора». Петр Иванович Добчинский на приеме у Хлестакова. Он рассказывает Хлестакову о своем старшем сыне: «Мальчишка-то этакой... большие надежды подает: наизусть стихи разные расскажет и, если где попадет ножик, сейчас сделает маленькие дрожечки, так искусно, как фокусник-с...» Способности ремонтера из селца Тóлстое, принадлежавшего отчиму А. С. Данилевского В. И. Чернышу, Гоголь отдал своему герою. Воспоминание то было взято из детских лет, стало быть, и плотный ремонтер Николай Васильевич (тезка Гоголя) был в то время ребенком, по годам под стать сыну Петра Ивановича Добчинского.

Гоголь всегда так: будто и сочиняет, выдумывает, берет все из своего воображения, но шкатулка памяти подбрасывает кое-что и из своих запасов. То фамилия выглядит знакомая (бабка Гоголя была Лизогубиха; Пульхерия Ивановна в «Старосветских помещиках» – Товстогоубиха), то дом, в котором живет один из приятелей Поприщина («Записки сумасшедшего»), окажется домом, в каком жил в Петербурге сам Гоголь, то невеста в «Женихах», переделанных потом в «Женитьбу», получит родовую примету сестер Гоголя – длинный нос.

Искали и до сих пор ищут пасеку, на которой жил Пасичник Рудый Панько. Ищут ее вблизи Диканьки, ищут в других местах – не могут найти. А надо встать лицом к востоку и отправиться из Васильевки той самой степовой дорогой, которую поминает Гоголь. Менее чем через час ходьбы очутишься в густой роше яворов (так на Украине называется разновидность клена), лип и дубов, там, где стояла когда-то пасека Гоголей и где жил, конечно, «пасичник», но не Рудый Панько (его Гоголь выдумал), а какой-нибудь старик из Васильевки, знавший много сказок про эту местность, полную чудес и преданий. И сейчас, когда вступаешь под сень деревьев, окунаешься в их густую тень и земля начинает уходить вниз в овраг, на дне которого громко – в мертвой тишине уснувшего леса – гремит ручей, кажется, переступаешь в иной мир.

Дорога мимо Яворивщины ведет далее, в Диканьку, по ней не раз ездили и ходили Гоголи на богомолье. В Диканьке было две церкви: Троицкая, стоящая посреди села, вся увитая резною лепкой, нарядная, парадная, и строго-красивая, с гладкими стенами и широким, приплюснутым куполом церковь Николы Диканьского, родовая церковь владельцев Диканьки Кочубеев, фамилия которых образовалась от имени их татарского предка Кучум-бея. Были Кочубеи широколицы и узкоглазы, их азиатское происхождение сказывалось и в их характерах. Они

¹ Ремонтер – офицер, занимающийся закупкой лошадей для войск.

были дерзки, решительны. Василий Леонтьевич Кочубей сложил голову на плахе по навету Мазепы. Его дочь, увековеченная Пушкиным в «Полтаве», полюбила старого гетмана. Матрена, или Мотря, Кочубей назначала гетману свидания ночью под дубом, встречалась с ним в околдованном диканьском лесу (Диканьку потому и называли Диканькой, что леса вокруг нее были дикие), а кончила послушничеством, монашеством, и похоронили ее, по рассказам, на кладбище Крестовоздвиженского монастыря в Полтаве. Монастырь тот стоит на горе и поныне (остались стены, колокольня, реставрируется церковь), но могила дочери Кочубея затерялась.

Письмо Гоголя А. С. Данилевскому возвращает нас и к тому эпизоду в его жизни, когда впервые обрел он друга – друга в виде сверстника, сына соседей Саши Данилевского. Был этот мальчик строен, красив, яркоглаз, яркогуб.

Данилевский – это первые игры, первые откровения юности, первые мытарства в Петербурге. Детство, проведенное бок о бок, юность, мелькнувшая, как ласточка за окном, затем холодная квартира на Гороховой – первое их обиталище в Северной Пальмире, новая квартира на Екатерининском канале; переезд в дом Зверкова – все это вместе с Данилевским, вместе с «ближайшим», «братом», как станет называть его в своих письмах Гоголь.

Двенадцать детей родила Мария Ивановна, были среди них и сыновья, да рано умирали. Дольше всех прожил брат Иван, который был младше Гоголя на год, другие же – Андрей, Дмитрий, умерли младенцами.

Гоголь поздно научился говорить (в три года) и очень стеснялся вначале говорить на людях. Он даже свои любимые песни, слова в которых он произносил довольно ясно, пел, закрывшись за дверью:

Бабка кисіль варила,
На морозі цідила.

К брату Ивану Гоголь был очень привязан, вдвоем провели они год в полтавском поветовом училище, но Иван пропускал уроки, часто болел, родители взяли его обратно в Васильевку, но, видно, не суждена ему была долгая жизнь. Гоголь лишился брата, когда ему было десять лет. Он плакал, сочинил о брате и о себе трогательную поэму под названием «Две рыбки», где скорбел о смерти одной из них.

Вообще фатальность в отношении к потерям была одной из черт Гоголей. Василий Афанасьевич никак не мог смириться со смертью своей любимой дочери Анны. Он уходил за усадьбу в поле, ложился там на землю и плакал. Однажды после очередного приступа горя он заснул на сырой земле и с тех пор стал слабеть грудью. От этой болезни он и умер.

Уезжая лечиться в Лубны в 1825 году, он сказал Марии Ивановне, что едет умирать, и слова его сбылись.

Мария Ивановна, когда узнала о его смерти, отказывалась от пищи и не хотела жить. В потере близкого существа было не только горе, невозможность сжиться с утратой (Мария Ивановна возроптала даже на бога, хотя свято верила в него). В потере видели знак, намек, предупреждение. Мария Васильевна Гоголь, старшая из сестер Гоголя, рано потеряла мужа. Она чахла и чахла, блекла ее красота, не нужная никому, и, когда Данилевский (а он вырос в красавца и сделался любимцем женщин) не ответил на ее чувство, для нее все кончилось. Скоротечная чахотка свела ее в могилу.

Для самого Гоголя смерть брата, смерть отца были ударами, от которых он не оправился. Они сделались началом тех недобрых предзнаменований, которые преследовали Гоголя всю жизнь. Очередная смерть близкого или даже знакомого человека как бы напоминала о его собственной близящейся смерти.

Вспомним, как Пульхерия Ивановна в «Старосветских помещиках» говорит о пропавшей кошечке, которая вдруг вышла из леса, что это ее смерть за ней приходила. После этого она

ложится в постель и уже более не встает. Смерть приходит от сознания смерти, а не от какой-нибудь болезни. Так же и Афанасий Иванович. Услышав в жаркий день в саду голос Пульхерии Ивановны (уже покойницы), он верит, что она пришла за ним, зовет его. И так же быстро «уходит» вслед за ней.

2

Вообще Гоголи жили недолго. Василий Афанасьевич скончался на сорок восьмом году жизни, Гоголь не дожил до сорока трех лет. Как говорил он о себе и о своем отце, сложения они были слабого. Но вот прадед Гоголя, Василий Танский, дожил до восьмидесяти пяти лет. Этот петровский полковник, бывший приближенным гетмана Скоропадского, все перенес – и славу, и бесславье (когда его сослали за жестокое обращение с козаками в Илимск), и потерю имений, и семь лет Сибири. Жену его звали Ганна (Анна), она была женщина с крутым характером; единственную дочь свою они тоже называли Ганнусей (вспомним героиню «Майской ночи», возлюбленную Левко), – она и стала женой Семена Лизогуба, чья фамилия тоже была известна на Украине: Лизогубы состояли в родстве, с одной стороны, с гетманом Скоропадским, с другой – с Павлом Полуботком, который, по народной легенде, в цепях в тюрьме дал свой грозный ответ царю Петру, напоминая ему о Страшном суде перед лицом всемогущего бога (этот сюжет вдохновил художника Волкова, написавшего картину «Петр I и Полуботок»). Так что среди предков Гоголя были и свои возмутители спокойствия. Полковник Танский, судя по всему, человек смелый, но и честолюбец, испытывавший тяжесть опалы, к концу жизни раскаявшийся и нашедший утешение в вере, смутьян Полуботок и прадед Гоголя Семен Лизогуб, – тихий, набожный, добрый, – таковы были крови, которые смешались в роду Гоголя и образовали свою взрывчатую смесь.

Потому что, несмотря на добрый нрав, в гневе Гоголь бывал и резок и неудержим, его ум, «карауливший над собою», как любил он говорить о своем уме, не всегда имел власть над чувством.

Кроткая кровь Семена Лизогуба породила воплощенный образ любви и добросердечия – бабушку Гоголя, Татьяну Семеновну Лизогуб. Ее черты он отдал любимой своей героине – Пульхерии Ивановне Товстогуб.

«Отдаленная деревня» Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны так же удалена от городов, как и Васильевка – имение отца Гоголя Василия Афанасьевича Гоголя-Яновского, доставшееся ему в наследство от матери, Татьяны Семеновны. И «низенький домик с галереею из маленьких почернелых деревянных столбиков», и ковер под развесистым кленом (где, кстати сказать, любили проводить время сестры Гоголя), и двор с амбарами и кухней, и пруд – все это виды Васильевки, все это родина Гоголя, его пенаты. Кстати об одной подробности, оправдывающей «владельцев» этой деревеньки. У Гоголя сказано: «Я иногда люблю сойти на минуту в сферу этой необыкновенно уединенной жизни, где ни одно желание не перелетает через частокол...» Обычно эти слова относят к героям повести, относят и ставят им в вину – вот, дескать, как скучно они жили, ни о чем, кроме своего дома, не думали. Но речь здесь идет не о них, а об авторе, вспоминающем их жизнь, о его желаниях в данную минуту воспоминания, погруженных в собственное вдохновение. Это *его* мысли не перелетают через частокол. Гоголь действительно любил «эту скромную жизнь», как признается он в первых строках повести. Не раз его бричка или коляска останавливалась у крыльца дома в Васильевке, где жили его мать и сестры и где он провел одиннадцать лет жизни. Сначала он наезжал сюда студентом, потом автором «Вечеров на хуторе близ Диканьки», затем – «Миргорода» и «Арабесок» и, наконец, просто *Гоголем*.

«Я думаю, все переменялось, но мое сердце всегда останется привязанным к священным местам родины», – писал он матери в 1825 году. Эти слова он мог бы повторить и на закате жизни. По свидетельству племянника Гоголя, Н. Трушковского (сына сестры Гоголя Марии), Гоголь хотел, чтоб его прах покоился в Васильевке.

«Сегодня ездил с Трушковским в Данилов монастырь, – писал в одном из писем биограф Гоголя П. Кулиш. – Дорогою он объявил мне, что Гоголь завещал перевезти его тело в

Васильевку». Сейчас на месте бывшего Васильевского кладбища, находившегося, как и все сельские кладбища, у стен церкви, осталась одна могила – могила родителей Гоголя, Василия Афанасьевича и Марии Ивановны Гоголей-Яновских.

Васильевская усадьба делилась на две части прудом, по ту сторону пруда, на возвышении, ничего не было – одна голая земля. Гоголь насадил там маленькие клены, липки, дубки. Он брал в руки пригоршню камней и разбрасывал их по полю – где камень упадет, там и расти дереву. К концу века, когда Гоголя давно уже не было в живых, парк разросся и в нем построили дом, в котором поселился сын сестры Гоголя, Елизаветы Васильевны – Н. Н. Быков. Судьба свела ветви Пушкина и Гоголя – внучка поэта, Мария Александровна, стала женой Н. Н. Быкова.

Дочь Н. Быкова, Софья Николаевна Данилевская, рассказывала мне в 1979 году в Полтаве, что на их – быковской – стороне по просьбе Гоголя крестьянами был насыпан невысокий холм земли, с которого, если подняться на самый его верх, была видна соседняя усадьба Черныша. А еще говорили, что в нем спрятал Николай Васильевич перед отъездом из Васильевки свои рукописи. «Мы детьми часто играли возле этой насыпи, – рассказывала Софья Николаевна, – и даже пытались разрыть ее, прорыли глубокую нору, но ничего не нашли». «Когда поэта спрашивали, – пишет В. Чаговец, – зачем он насыпает этот холм, он, говорят, ответил: «Когда-нибудь люди будут очень благодарны мне за это». Эти таинственные слова Гоголя и дали повод для слухов о зарытых в земле рукописях.

Отец Гоголя умер 31 марта 1825 года. Смерть настигла его в имении родственника Гоголей, Д. П. Трощинского, Кибинцах. Мария Ивановна, узнав о его кончине, просила ее положить рядом с мужем, отрезала прядь его волос, спрятала их на груди. Несколько дней она молчала, не хотела даже видеть детей, но потом сила жизни взяла верх. Она пережила мужа на сорок три года (а сына на шестнадцать лет) и умерла от апоплексического удара в дни Пасхи.

Мария Ивановна, в возрасте одного года отданная родителями тетке Анне Матвеевне Трощинской, училась лишь зиму, добирала знания умом, сметливостью, через мужа и детей. Отец ее, Иван Матвеевич Косяровский, был почтмейстером. Это была в некотором роде фамильная гоголевская профессия. И Василий Афанасьевич начинал службу по почтовой части и долго числился в ней. И покровитель семьи Гоголей могущественнейший вельможа Д. П. Трощинский, переживший трех царей и у каждого из них бывший в чести, состоял одно время министром почт.

Василий Афанасьевич только числился, как мы сказали, по почтовой части, но на самом деле не служил, чины шли ему в порядке производства. Отец хотел записать Василия в гвардию, чтоб он таким же образом повышался в военных чинах, но к тому времени состоять в гвардии, не служа, как было ранее, стало невозможным (эту привилегию для дворян отменили), и Афанасий Иванович через Трощинского хлопотал об устройстве сына в Московский университет. Но и туда не суждено было попасть отцу Гоголя.

Он, окончив духовную семинарию, остался помещиком, хозяином бывшего хутора Купчинского, доставшегося его бабке еще от Танских, и сельца Ярьски. В детстве Васюта любил голубей, писал стихи; этим занятиям он предавался и в зрелом возрасте. Поэта из него не получилось, почтовым служащим он был только на бумаге, все его интересы сосредоточились в семье.

Единственным его увлечением был театр. Расторопный помещик преображался, когда в специально построенном Трощинским в своем имении Кибинцы здании распахивался занавес и зрительный зал замирал перед сценой, с которой начинали звучать речи героев древних трагедий, перебранка героев «Недоросля» или капнистовской «Ябеды». Василий Афанасьевич играл в этих пьесах, оформлял спектакли, даже принимал участие в шитье костюмов. Вместе с ним на подмостках кибинецкой сцены появлялась и Мария Ивановна.

После отца Гоголя осталось две коротенькие комедии (одна из них – «Простак або хитрощі жінки, перехитрені москалем. Комедія на одну дію» – дошла до наших дней) и несколько стихотворений.

В семье Гоголей была своя поэтическая традиция. Стихи писали и двоюродный брат Марии Ивановны, Иван Петрович Косяровский, и некогда Василий Танский. Также сказывалось влияние и духовного звания предков Гоголя по деду – Афанасию Демьяновичу. Гоголи ездили на молебствование в далекие и ближние монастыри, в Ахтырку, в Лубны, а позднее в Киев, в Воронеж. Но чаще их дорога пролегала из Васильевки в Диканьку, где в церкви Николы Диканьского (справа от иконостаса) стояла в серебряном окладе икона Николая-чудотворца, «крестного отца» Гоголя. Отец и мать молились перед этой иконой о даровании жизни их дитяти.

Икона, по преданию, «явилась» диканьчанам на обломке дуба, сваленного грозой, и засияла тихим голубым сиянием. Она являлась трижды – и на этом месте поставили божий храм. Из того дуба, на котором явился образ Николая-чудотворца, сделали крест, крест вкопали в землю и на том месте воздвигли алтарь. Этот крест, как бы ставший основанием церкви, ее краеугольным камнем, и по сей день – не источенный временем – стоит прочно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.